

Ю. А. ЖЛУКТЕНКО

**КОНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
КАК МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

В строе современного английского языка большую роль играет явление, называемое обычно конверсией. Правильное понимание сущности конверсии в известной степени может способствовать решению таких важных проблем, как определение грамматических и лексических границ слова, разграничение частей речи, выяснение основных тенденций английского словообразования и др.

Исследованием английской конверсии много занимался один из виднейших наших англистов — проф. А. И. Смирницкий¹. В своих работах он подверг убедительной критике распространенные прежде концепции конверсии: семантическую, согласно которой конверсия — это «изменение значения слова», и особенно синтаксическую, определявшую конверсию как «изменение синтаксической функции слова». Показав, что в результате конверсии получается обычно новое слово, А. И. Смирницкий окончательно установил, что конверсия является способом словообразования. Он также исследовал соотношения между исходным и производным словом в случае конверсии и показал, что производное слово обладает внутренней, семантической производностью.

Одним из важных достижений в понимании конверсии следует считать указание А. И. Смирницкого на большую и активную роль, которую играет при конверсии морфологическое оформление слова — парадигма. Как известно, А. И. Смирницкий придавал такое большое значение этому фактору, что считал парадигму единственным словообразовательным средством при конверсии: «Конверсия, — писал он, — есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова»².

Большинство работ о конверсии, появившихся после статей А. И. Смирницкого, является лишь дальнейшей интерпретацией его взглядов или истолкованием в свете его теории тех или иных моментов, связанных с конверсией в различных языках. В то же время в ряде других работ высказывается несогласие с некоторыми моментами этой теории, а в некоторых случаях даже полное ее отрицание³. По нашему мнению, нигилистическое отношение к работам А. И. Смирницкого о конверсии не имеет оснований. Вряд ли можно отрицать, что его теория конверсии имела безусловно поло-

¹ См. А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. «Ин. яз. в шк.», 1953, № 5; е го ж е, По поводу конверсии в английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1954, № 3; е го ж е, Древнеанглийский язык, М., 1955, стр. 166—170; е го ж е, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 71—99.

² А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия..., стр. 24.

³ См., например, С. М. Костенко, Конверсия как способ образования глаголов от имен существительных в английском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1955.

жительное значение и способствовала более глубокому изучению этой проблемы. Но, с другой стороны, не следует и затушевывать недостатки и противоречия указанной теории, которые не позволяют ей раскрыть полностью сущность этого важного языкового явления.

*

Работы А. И. Смирницкого о конверсии, изданные в 1953—1954 гг., несомненно, связаны с высказывавшимися им в это же время общелингвистическими взглядами. Теорию конверсии он создавал в тесной связи со своим своеобразным пониманием сущности языка и проблемы взаимоотношений языка и речи¹. Как известно, в это время А. И. Смирницкий считал, что в состав языка в качестве его единиц входят слова, интонационные единицы и грамматические правила построения предложения. Ни словосочетание, ни предложение, по его мнению, не являются единицами языка. Поэтому спецификой основной единицы языка (слова) А. И. Смирницкий считал преимущественно его морфологическую характеристику. В связи с этим он рассматривал английскую конверсию как *м о р ф о л о г и ч е с к и й* способ словообразования, при котором парадигма играет основную роль в оформлении слова.

А. И. Смирницкий не принимал во внимание то обстоятельство, что слова относятся к определенным грамматическим типам не только в соответствии с системой их форм, но и в зависимости от их грамматических связей с другими словами. В других, опубликованных позже, трудах А. И. Смирницкий отошел от такого взгляда на средства оформления слова². Однако в своих статьях, посвященных конверсии, А. И. Смирницкий придерживался ошибочного мнения, что одной только парадигмы уже достаточно, чтобы грамматически оформить слово. Это обстоятельство и было причиной того, что в его теории конверсии, наряду со многими достижениями, можно найти ряд существенных недостатков.

1. В предложенном А. И. Смирницким определении конверсии не учитываются различные другие факторы (кроме парадигматичности), действующие при конверсии. Прежде всего роль тех различий в грамматической сочетаемости, которые неизбежно обнаруживаются при образовании нового слова, не отрицается, а просто игнорируется. Между тем, как указывает акад. В. В. Виноградов, «... резко отделить морфологическое словообразование от синтаксического чрезвычайно трудно»³.

2. В теории конверсии А. И. Смирницкого не учитывается, что парадигма не может служить единственным средством различения слов при конверсии в тех случаях, когда исходное и производное слова имеют *о д и н а к о в у ю* парадигму. Достаточно указать на такие примеры конверсии, как *near* «близкий» и «близко», *fast* «быстрый» и «быстро», *late* «поздний» и «поздно» и т. п., где наречие и прилагательное сохраняют одинаковые степени сравнения.

3. В своей теории конверсии А. И. Смирницкий не считается с тем, что парадигма не может служить средством оформления и разграничения слов, когда она «отсутствует» как у исходного, так и у производного слова (т. е. ограничена одной формой). Ср., например: *must* — глагол «должен», существит. «то, что должно быть сделано, прочитано и т. п.» и прилагат.

¹ См. А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, М., 1954.

² См. А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 19.

³ В. В. Виноградов, Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Р. яз. в шк.», 1951, № 2, стр. 4.

«необходимый, обязательный»¹; *why* — наречие «почему» и междометие «ну, как»; *after* — наречие «позади, после» и прилагат. «задний, кормовой»; *whence* — наречие «откуда» и существит. «происхождение»; *without* — предлог «без», наречие «вне, снаружи» и существит. «наружная сторона»; *down* — наречие «вниз», прилагат. «направленный вниз»; *first* — прилагат. «первый, начальный» и существит. «начало» и т. д. Таких случаев много даже в области «изменяемых» частей речи, причем отсутствие парадигмы совершенно не сказывается на продуктивности конверсии.

4. Хотя А. И. Смирницкий сам не высказался относительно того, имеет ли место конверсия в области неизменяемых частей речи, признание парадигмы единственным ее средством приводит к логическому выводу, что там, где парадигмы нет, не может быть и конверсии. К этому выводу и пришли на основе теории А. И. Смирницкого В. В. Пассек и С. П. Сафронова². Способ словообразования, при котором не используются специальные словообразовательные аффиксы в системе неизменяемых частей речи, по их мнению, основан «на изменении сочетаемости и только сочетаемости» и поэтому он якобы «качественно отличен от конверсии», не может быть обозначен тем же термином, а должен быть выделен как особый вид словообразования³.

Ошибочность этой точки зрения состоит прежде всего в том, что, как говорилось выше, отсутствие парадигмы — довольно распространенное явление и в системе «изменяемых» частей речи¹, что не мешает свободному осуществлению в этой области словообразования по конверсии. С другой стороны, предположение, что в системе неизменяемых частей речи грамматическая оформленность слова достигается исключительно синтаксическими средствами, было бы так же неверно, как и то, что в системе изменяемых частей речи она осуществляется только морфологическими средствами.

5. По мнению А. И. Смирницкого, соотносящиеся по конверсии слова отличаются друг от друга с и с т е м о й своих форм (парадигмой). Между тем во многих случаях посредством конверсии образуется слово, которое не имеет парадигмы в полном составе, а лишь выступает как одна из форм потенциально возможной парадигмы. Таково, например, повелительное наклонение *but* во фразе *But me no buts* («Webster's New international dictionary of the English language») или формы времени и наклонения Past Conditional от «несуществующих» глаголов *if, and, but* в предложении *He would have iffed and anded and butted it around* (R. Forsythe, Foreword to Michael Gold's «Change the world!») «Он все ходил бы вокруг да около». В примере: *I'll get you a house, Cora. One where there won't be any steel fence. One where we won't have to shhh!* (D. Carter, Tomorrow is with us) «Я тебе достану дом, Кора. Дом, вокруг которого не будет стального забора. Дом, в котором нам не придется говорить друг другу „шшш!“» — образованное путем конверсии от междометия слово *shhh* оформлено как глагольный инфинитив, а в предложении: *Since I left college, I had only this one year of working without shhh* (там же) «С тех пор, как я закончил колледж, я только один год мог работать без этого „шшш!“» — этот же звуковой комплекс, выступающий в сочетании с предлогом, оформлен как существительное. В то же вре

¹ Ср.: «*must*. n. something that must be done, had, read, seen etc.; as this book is a *must*; adj. that must be done, etc.; necessary; essential («Webster's New world dictionary of the American language», New York, 1953, стр. 969).

² См. В. В. Пассек, С. П. Сафронова, Консультация, «Ин. яз. в шк.», 1956, № 4, стр. 120—122.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Необходимо отметить весьма условное и в значительной степени традиционное употребление термина «изменяемые» по отношению к таким частям речи английского языка, как существительные, многие классы местоимений, числительные и т. д.

мя в английском языке не существует соответственных парадигм глагола или существительного.

6. Известно, что бурное развитие конверсии не сопровождалось развитием парадигмы — этого якобы единственного лежащего в ее основе средства, а, наоборот, происходило одновременно с весьма интенсивным процессом сокращения парадигмы. В современном языке возможности парадигматичности как средства разграничения слов минимальны, тогда как продуктивность конверсии достигла наибольшей степени. Трудно себе представить, чтобы какой-либо из способов словообразования мог так неудержимо развиваться на основе единственного средства, которое в то же самое время деградировало бы.

7. Мнение, что парадигма — единственный оформитель слова, а также утверждение, что при конверсии «сочетаемость целиком зависит от парадигмы слова»¹, не подтверждается фактами языка. Рассматривая отдельно взятые формы («словоформы») *work* или *works*, мы в состоянии о них сказать лишь то, что и та и другая м о г у т принадлежать к одной из двух парадигм: а) *work, works* (существит.) или б) *work, works, worked, working* (глагол), а значит лишь м о г у т иметь то или другое значение. Даже окончание *-s* в форме *works* не помогает нам в определении значения, так как формы с таким окончанием есть в обеих парадигмах. В то же время каждое из данных слов («словоформ») употребляется в языке без каких бы то ни было дополнительных морфологических показателей. Лишь тогда, когда мы встречаем эти «словоформы» в окружении других аналогичных единиц, например *selected works, he works*, каждая из них выступает как четко оформленная единица, несомненно, принадлежащая к определенному типу парадигмы и имеющая ясное и четкое значение.

Основным средством, так четко оформившим слово в данном случае, не могла быть одна парадигма, так как мы не могли ее определить, пока данное слово не вступило в связь с другими словами. Когда перед *works* появилось причастие *selected*, мы начали воспринимать первое как такую часть речи, которой свойственно определяться прилагательным или причастием, т. е. как существительное, и тогда окончание *-s* определилось как флексия множественного числа существительного. Когда же перед *works* мы видим личное местоимение в именительном падеже — *he*, мы воспринимаем его как такую часть речи, которой свойственно выступать в аналогичном сочетании в качестве сказуемого, и в этом случае окончание *-s* определяется как глагольная флексия 3-го лица единственного числа настоящего времени индикатива. Следовательно, различие в парадигме является в данном случае не главным и единственным различием между соотносящимися словами, а обусловлено определенной их сочетаемостью.

*

В литературе уже было отмечено еще одно из основных противоречий в теории конверсии А. И. Смирницкого, заключающееся в том, что «причисление конверсии к одному из видов словообразования оказывается у него чисто декларативным, и конверсия рассматривается только как определенные соотношения между словами»². Указанный момент представляется нам также тесно связанным с одним из общелингвистических положений теории А. И. Смирницкого, согласно которому «...для слов типично существование в языке в качестве готовых единиц...»³, т. е. слова в языке не создаются,

¹ В. В. Пассек, С. П. Сафронова, указ. соч., стр. 120.

² С. М. Костенко, указ. соч., стр. 7. Ср. также замечание по этому поводу Н. Н. Амосовой: «Конверсия есть способ словообразования, но не есть состояние тождества форм» (Н. Н. Амосова, Этимологические основы словарного состава современного английского языка, М., 1956, стр. 85).

³ А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, стр. 22.

а лишь воспроизводятся. В связи с этим в работах А. И. Смирницкого, посвященных конверсии, мы не находим рассмотрения и исследования самого словообразовательного процесса, акта образования производного слова. Анализ в них обычно ограничивается теми соотношениями между исходным и производным словом, которые устанавливаются лишь после образования слова (часто спустя длительное время).

Одновременно с этим А. И. Смирницкий объявляет совершенно несущественными различия между такими типами отношений, как, например, с одной стороны, *love* «любовь» — *love* «любить» или *harp* «арфа» — *harp* «играть на арфе», которые установились между словами, образованными некогда по способу суффиксации и лишь в последующем развитии начавшими совпадать по звучанию, и, с другой стороны, *doctor* «врач» — *doctor* «лечить» или *paper* «обой» — *paper* «обклеивать обоями», где мы наблюдаем действительное образование производных слов по способу конверсии. Не возражая в принципе против «генетической точки зрения» на эти соотношения, А. И. Смирницкий тем не менее считает, что при их рассмотрении не следует сочетать синхронический анализ с диахроническим. Более того, он выражает опасение, что учет акта словообразования может привести к «подмене определения существующего соотношения определением того, из чего оно получилось», а это «означало бы смещение предыдущего периода с последующим, допущение анахронизма, следовательно было бы антиисторическим подходом»¹. Исходя из этого, А. И. Смирницкий весь свой анализ основывает не на случаях типичной конверсии, при которой производное слово на самом деле возникает по данному способу словообразования, а на примерах бывших суффиксальных образований типа *love* «любить» — *love* «любовь».

Такой «историзм» представляется нам в лучшем случае односторонним. Вряд ли можно было бы оправдать исследователя, который, анализируя суффиксацию как способ словообразования, построил бы весь свой анализ не на тех примерах, которые действительно образовывались посредством присоединения суффикса к корню, а на примерах, которые генетически относятся к иным способам (например, к словосложению) и лишь в ходе позднейшего развития были переосмыслены как суффиксальные образования. Вполне очевидно, что нельзя достичь «подлинно глубокого понимания» какого-либо явления языка, изучая его только в синхроническом плане. В данном конкретном случае более правильным представляется мнение Н. Н. Амосовой, которая рассматривает соотношения типа *love* «любовь» — *love* «любить» как «результат исторически сложившегося фонетического совпадения ранее морфологически различавшихся слов». «...Уместнее квалифицировать их, — говорит она, — как случаи омонимии, а не конверсии, именно потому, что омонимия есть состояние, результат, а конверсия есть словообразовательный процесс»².

Всякое сочетание слов, по мнению А. И. Смирницкого, — уже не язык, а речь. Поэтому, рассматривая конверсию лишь как определенный тип соотношений между словами, он оставляет вне поля зрения такую весьма важную черту ее, как невозможность этого способа словообразования в отношении слов, взятых изолированно, вне связи с другими словами. Так, например, если мы вполне можем образовать слово *feeder* «едок» по способу суффиксации, оперируя изолированными морфемами *feed-* и *-er*, то при конверсии, наоборот, мы не можем установить, произошел ли акт образования производного слова, пока мы имеем дело с отдельно взятым словом *feed*

¹ А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, стр. 167; его же, Лексикология английского языка, стр. 65—70.

² Н. Н. Амосова, указ. соч., стр. 85.

Мы не можем с определенностью сказать, глагол это или существительное, а следовательно, и определить его значение и парадигму, пока не свяжем его с каким-либо другим словом, например *his feed* «его пища» или *we feed* «мы кормим».

Трудно также согласиться с утверждением А. И. Смирницкого о том, что конверсия будто бы проявляет «принципиальное безразличие» к соотношению между основной и прочими формами слова, что «конверсия определяется безотносительно к тому, каково соотношение между отдельными формами»¹. Другими словами, по мнению А. И. Смирницкого, по конверсии может образовываться слово, основная форма которого соответствует не основной форме исходного слова (как при образовании *doctor* «врач» — *doctor* «лечить»), а какой-нибудь косвенной его форме, например глагол *fell* «валить» соотносится по конверсии с формой прошедшего времени глагола *fall* (*fell*) «падать», а глагол *lay* «класть» — с формой прошедшего времени глагола *lie* (*lay*) «лежать» [ср. также русск. *супруга* (жен. род), которое будто бы образовано от род. падежа существительного муж. рода *супруг*]².

То, что слово существует в виде системы форм, не означает, что эти формы все равны по значению. Парадигму нельзя уподобить кругу, «началом» которого мы можем считать любую точку на его окружности. «Началом», основой парадигмы является ее основная форма, которая только потому и может выступать в качестве «представителя» всего данного слова, что она в наиболее обобщенной форме выражает лексическое и грамматическое в нем, выполняет его номинативную функцию. Косвенные же формы слова выступают в данных конкретных ситуациях, выражая данные конкретные значения. Поэтому соотношение между словами есть соотношение между основными формами этих слов, косвенные же их формы соотносятся между собой лишь через посредство форм основных. Нам неизвестны случаи английской конверсии, при которых от косвенной формы исходного слова образовывалась бы основная форма производного³ (об образовании глаголов *fell* и *lay* см. ниже). Когда же от основной формы исходного слова образуется косвенная форма производного (что бывает чаще всего), например *paper* — *is papering*, то последняя воспринимается именно как косвенная форма этого слова [основной формой в нашем примере является (*to*) *paper*].

Вопрос о том, имеет ли место конверсия между словами, принадлежащими одной и той же части речи, освещается по-разному в разных трудах А. И. Смирницкого: в одном случае утверждается прямо, что в пределах одной и той же части речи конверсия возможна⁴, в другом говорится, что такого типа конверсия наблюдается только в русском языке в отличие от английского, в то время как «специфическим для современной английской конверсии оказывается... то, что слова, соотносящиеся по конверсии, почти исключительно принадлежат разным частям речи»⁵. Возможность конверсии в пределах одной части речи отстаивает также в своих статьях В. В. Пассек, который на этом основании приходит к заключению о необязательности различий в сочетаемости между словами, соотносящимися по конверсии⁶.

¹ А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, стр. 94—95.

² См. А. И. Смирницкий, По поводу конверсии..., стр. 23 и сл.

³ Образование англ. *have-beens* или русск. наречий типа *бегом*, *кругом*, *рядом* от твор. падежа существительных, имеющего значение образа действия, не является конверсией, а относится к семантическому словообразованию.

⁴ См. А. И. Смирницкий, По поводу конверсии..., стр. 23.

⁵ Его же, Лексикология английского языка, стр. 80—81.

⁶ См., например, В. В. Пассек, Некоторые вопросы конверсии, ВЯ, 1957, № 1, стр. 146.

В качестве примеров конверсии между словами одной части речи А. И. Смирницкий приводит уже упоминавшееся выше образование глаголов *fell* «валить» от *jall* (*fell, fallen*) «падать», *lay* «класть» от *lie* (*lay, lain*) «лежать». Среди историков английского языка широко распространён иной взгляд на происхождение этих глаголов: считается, что, подобно прочим переходным каузативным глаголам, они образованы от второй основы (ед. числа прошедшего времени) сильных непереходных глаголов при помощи суффикса *-i-*, например: *leszan* «класть» (совр. *lay*) < **læz-i-an* от сильного глагола *liczan* — *la-z* — *læzon* — *lēzen* «лежать» (совр. *lie*)¹. В современном языке инфинитив глагола *lay* «класть» и форма прошедшего времени глагола *lie* «лежать» фонетически совпали, однако в силу более резких семантических и грамматических различий между ними не установились такие соотношения, как между *love* «любовь» и *love* «любить».

В. В. Пассек приводит всего один пример — соотношение *date* «дата» — *datum* «данное, данная величина». По нашему мнению, его также невозможно отнести к конверсии, во-первых, потому, что, с точки зрения современного языка, эти слова имеют разные основы. В результате опрощения структуры ед. число *datum* и мн. число *data* воспринимаются сейчас как сущлительные формы, а их элементы *-um* и *-a* больше не осознаются как аффиксы. Кроме того, выделению *dat-* в качестве общей основы в *date* и *datum* препятствует то, что эти слова на современном этапе не имеют общности значения (ср. *date* «дата» — *datum* «данное, данная величина» и истинный случай конверсии — *date* «дата» — *date* «датировать»). Нельзя также игнорировать и то обстоятельство, что *date* — *datum* представляют собой именно соотношение слов, не связанных на основе словообразования: исторически *datum* не образовалось от *date*, а вычленилось из парадигмы лат. глагола *do* — *dedi* — *datum* — *dare* в особое слово по способу семантического словообразования. Таким образом, и этот пример не в состоянии поколебать общепринятую точку зрения, по которой образуемые по способу конверсии слова обязательно принадлежат к разным частям речи.

А. И. Смирницкий ввел также понятие «неомонимической» конверсии, при которой производное слово не является омонимом исходного, например др.-англ. *lufu* — *lufian*, *hearpe* — *hearþian*², или русск. *зеленеть* — *зеленый*, *краснеть* — *красный*³. Хотя этот вид конверсии внешне отличается от конверсии омонимической, «самый общий принцип словообразования — один и тот же⁴», а именно: единственным словообразовательным средством является парадигма. Ошибочность этого расширения понятия конверсии не вызывает у нас сомнений. Если обратиться сначала к приведенным выше примерам из русского языка, то действительно на первый взгляд между *зелен-ый* и *зелен-еть* (или *зелен-ить*), *красн-ый* и *красн-еть* нет никаких других различий, кроме парадигмы. Тем не менее глаголы типа *зеленеть*, *краснеть*, *зеленить* принято считать образованными по способу суффиксации при помощи суффиксов *-е-*, *-и-*⁵. Своеобразие здесь состоит в том, что в классе глаголов с инфинитивом на *-ить* окончания настоящего времени частично сливаются с суффиксом *-и-*, например: *бел-ю*, *-ят*, но *бел-и-шь*, *-и-т*, *-и-м* и т. д. В классе глаголов на *-еть* суффикс *-е-* тоже вовлекается в систему словоизменения, определяя строй форм настоящего

¹ См., например, В. Д. Аракин, Очерки по истории английского языка, М., 1955, стр. 222 и сл.

² См. А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, стр. 168.

³ Примеры К. А. Левковской (см. К. А. Левковская, Словообразование, М., 1954, стр. 20).

⁴ См. А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, стр. 169.

⁵ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 436.

времени(-ею, -еешь, -еет, -еют и т. д.). Исходя из этого, В. В. Виноградов констатирует в русском языке «спаянность всех морфологических элементов, „фузионность“ морфем в структуре глагольного слова»¹.

«В строе глагола, — подчеркивает В. В. Виноградов, — все способы образования форм и слов внутренне связаны и соотнесены. Флексия распространяется и живет силою форманты. Флексия прирастает к суффиксу, как паразит. Оторванная от источника питания, она хиреет и может совсем умереть. Вот почему пришлось в первую очередь выделить типы суффиксального словообразования: в них схематически раскрываются и отдельные стороны системы спряжения. Система глагола в целом основана на сложном взаимодействии разных приемов формообразования и словообразования»².

В другом месте В. В. Виноградов отмечает, что приведенные выше факты наблюдаются не только в русском языке: «Эти явления характеризуют, с одной стороны, спаянность всех морфологических элементов, примыкающих к глагольной основе, „сади“, а с другой стороны, неразрывную слитность с ними самой основы. Эти черты типичны для синтетического строя»³.

В английском языке так называемая «неомонимическая» конверсия типа *luf-u* — *luf-i-an* наблюдается только в древний период развития языка, т. е. в то время, когда в нем преобладали синтетические черты; по мере же развития элементов аналитического строя она отмирала и в современном английском языке больше не существует. Возникает вопрос: нельзя ли считать такую конверсию примером наличия в древнеанглийском языке подобной «фузионности» морфем, примыкающих к глагольной основе? Действительно ли был прав А. И. Смирницкий, когда считал суффикс *-i-* формообразующим на том основании, что он встречается не во всех глагольных формах? На данный вопрос, очевидно, следует ответить отрицательно, так как отсутствие этого суффикса в других формах объясняется слиянием его с основой (ср. парадигму *lufian* «любить»: *luf-i-e*, *luf-ast*, *luf-a*, мн. число *luf-i-a*, конъюнктив ед. числа — *luf-i-e*, мн. числа — *luf-i-en*, императив — *luf-a*, *luf-i-a* и русск. *бел-ю*, *бел-и-шь*, *бел-и-т*, *бел-и-м*, *бел-и-те*, *бел-ят* и т. д.).

Следовательно, то, что понимается под «неомонимической конверсией», на самом деле есть образование глаголов по способу суффиксации, при котором, благодаря особенностям глагольного словообразования и существованию в древнеанглийском языке синтетических черт, словообразовательные суффиксы в ряде форм сливаются с флексиями. Не случайно и то, что так называемую «неомонимическую конверсию» находят только в области глагольного словообразования.

*

Предыдущее рассмотрение показывает, что анализ сущности конверсии не может быть плодотворным, если не учитывать следующих главных особенностей, характеризующих акт конверсии с «внешней» стороны: 1) при конверсии новое слово образуется не в изолированном виде, а в его сочетании с другими словами; 2) образующееся при конверсии слово в своей основной форме является омонимом основной формы исходного слова; 3) производное слово всегда принадлежит к иной части речи, чем исходное слово.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 441.

² Там же, стр. 442.

³ Там же, стр. 441 (разрядка моя. — Ю. Ж.).

Сравним между собой следующие предложения: *I need some good paper for my room* «Мне нужны хорошие обои для комнаты»; *He is papering his room* «Он оклеивает обоями комнату»; *There is little water here* «Здесь мало воды»; *She waters her flowers* «Она поливает цветы».

В чем состояла сущность образования производных глаголов *paper* и *water* во втором и четвертом предложениях? Очевидно, что для создания этих слов потребовалось использовать основу существительных *paper*- и *water*-, оформляя ее в новое слово в других условиях сочетаемости (поставив ее на втором месте в предложении — после имени, оформленного как подлежащее, т. е. на том месте, где обычно стоит часть речи, выражающая действие). В связи с этим произошло и соответственное морфологическое оформление производного слова: *paper*- приняло категорию времени (суффикс *-ing*, сочетание с вспомогат. глаголом *to be* в наст. времени), лица и числа (форма *is*); *water*- приняло те же категории, синкретически выраженные в окончаниях *-s*. Таким образом, в процессе грамматического оформления производного слова новый характер сочетаемости слова вызвал присоединение к основе и других формообразующих элементов.

Можно ли утверждать, что морфологическое оформление слова, поскольку оно выступает здесь как обусловленное сочетаемостью, осуществляется уже после возникновения слова и поэтому не является существенным моментом при его образовании? Для такого утверждения нет оснований потому, что нельзя себе представить хотя бы кратковременное существование слова, грамматически не оформленного¹. Одной же сочетаемости совершенно недостаточно для того, чтобы оформить слово, в связи с чем «... чисто синтаксического словообразования в языке быть не может...»². Следовательно, образование слова путем конверсии представляет собой «двуединый» процесс: новая грамматическая сочетаемость сопровождается одновременным соответствующим морфологическим оформлением слова (либо к основе присоединяются необходимые формообразующие суффиксы и флексии, либо, если в них нет необходимости, слово просто начинает осознаваться как соответственный член определенной парадигмы, соотносящийся с рядом других ее форм, либо, при отсутствии парадигмы, данная форма оформляется по аналогии с оформлением других слов этого разряда). При этом, хотя указанное оформление возникает в зависимости от типа сочетаемости, его роль в общем образовании слова очень велика, так как без него слово не существует.

Выше мы обращали внимание на то, что в современном английском языке средства морфологического оформления слов весьма бедны, парадигмы избилуют омонимными формами, а часто парадигм вовсе нет. В подобных случаях роль синтаксической сочетаемости в оформлении слова естественно возрастает. Однако и в этом случае ограниченная роль парадигмы все же не приводит к возникновению особой «синтаксической» конверсии. Образующее слово, как и всегда при конверсии, приобретает одновременно и другие синтаксические свойства и новые морфологические категории, даже если последние не выражены специальными формантами. Если же таких формантов, как разграничивающих признаков слова, оказывается мало, то это объясняется не тем, что в данном типе конверсии они мало используются, а тем, что по характеру своей морфологической структуры язык не располагает их большим количеством.

Слабое различие между парадигмами, отсутствие этих различий и отсутствие самих парадигм во многих случаях конверсии в области изменяемых частей речи — это факты, которые приводят нас к неизбежному выво-

¹ Ср.: «Грамматически оформленным является каждое слово...» (А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, стр. 19).

² К. А. Левковская, указ. соч., стр. 18.

ду, что ограничивать действие конверсии только этой областью было бы неправомерно. С другой стороны, большая роль грамматической сочетаемости в оформлении производного слова проявляется при конверсии как в области изменяемых, так и среди неизменяемых частей речи. Поэтому образование путем конверсии прилагательного *after* «задний, кормовой» от наречия «позади» или прилагательного *must* «необходимый, обязательный» от глагола «должен» по своему характеру и в принципе не отличается от образования от того же наречия *after* союза «после того, как» или предлога «после» или образования от наречия *why* «почему» междометия «ну, да». Имеющиеся в этих случаях частные различия зависят только от различия в свойствах соответственных частей речи и поэтому являются различиями в н у т р и способа конверсии.

Существование и синтаксических, и морфологических различий между исходным и производным словом при конверсии тесно связано с тем фактом, что оба эти слова принадлежат к разным частям речи. «Основными критериями при разграничении частей речи,— говорит Н. С. Поспелов,— являются... абстрагированное от конкретного содержания лексико-грамматическое значение, характер грамматических изменений слова в его парадигме и специфика грамматической сочетаемости его со словами других лексико-грамматических разрядов. Грамматическая сочетаемость — один из существенных формальных признаков той или другой части речи»¹.

Кроме сочетаемости и парадигмы, при конверсии, несомненно, действуют и другие факторы: порядок слов, изменение значения, различные ассоциации и соотношения с рядами уже существующих слов и т. д., но все они являются второстепенными и зависят от основных действующих факторов — синтаксических и морфологических.

Таким образом, мы приходим к выводу, что современная английская конверсия, как уже указывала проф. В. Н. Ярцева², есть не что иное, как морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором словообразовательными средствами являются одновременно грамматическая сочетаемость и грамматическая форма слова («парадигма»), при условии широкого понимания этого термина). Акт образования нового слова путем конверсии представляет собой использование основы исходного слова для оформления ее в другое слово в условиях иной грамматической сочетаемости, типичной для другой части речи. В процессе этого оформления к данной основе присоединяются те грамматические форманты, которые необходимы для выражения морфологических категорий, свойственных этой другой части речи в условиях данной сочетаемости.

Напомним, что В. Н. Ярцева пришла к такому определению английской конверсии, исходя из разработанной В. В. Виноградовым классификации способов русского словообразования, согласно которой переход слов из одной части речи в другую относится к морфолого-синтаксическим способам словообразования³. Это мнение разделяется также Н. М. Шанским⁴, а

¹ Н. С. Поспелов, Части речи как проблема структуры языка, сб. «Тезисы докладов на открытом заседании Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР], посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов, 28—30 июня 1954 г.», М., 1954, стр. 5. (Ср. аналогичное заявление у А. И. Смирницкого в статье «Лексическое и грамматическое в слове», стр. 17.)

² См. В. Н. Ярцева, К вопросу об историческом развитии системы языка, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 75.

³ См. В. В. Виноградов, Вопросы современного русского словообразования..., стр. 4.

⁴ См. Н. М. Шанский, Основы словообразовательного анализа, М., 1953, стр. 7.

по отношению к аналогичному явлению словообразования немецкого языка — М. Д. Степановой, молдавского — Н. Г. Корлэтяну¹.

Современная английская конверсия представляет собой весьма сложное явление, в котором можно выделить целый ряд видов и типов, отличающихся друг от друга определенными особенностями. Именно эта сложность конверсии и послужила причиной той пестроты и противоречивости определений, которую мы встречаем в лингвистической литературе. В сущности каждая из концепций (семантическая, синтаксическая, морфологическая) основывается на рассмотрении какой-нибудь одной стороны данного явления, одного вида или одной ее особенности, не охватывая явление в его целостности.

Детальное исследование отдельных видов и типов конверсии до сих пор еще не осуществлено (что также является одной из причин разногласий в понимании ее сущности). Это исследование может проводиться с различных точек зрения. Наиболее обоснованными представляются следующие принципы классификации: 1) по степени лексической устойчивости производного слова: устойчивая и «окказиональная» конверсия; 2) по принадлежности производного слова к определенной части речи: субстантивация, вербализация, прономинализация, адъективация, адвербиализация и т. д.; 3) по отношению данного акта конверсии к предыдущим аналогичным актам: конверсия «первичная», «вторичная» и т. д.²; 4) по типичности словообразовательных отношений, устанавливающихся при данном акте конверсии: конверсия как модель и конверсия «уникальная».

В заключение следует кратко остановиться на окказиональной конверсии, результатом которой, в отличие от конверсии устойчивой, является так называемое «потенциальное слово»³, не вошедшее еще в словарный состав языка в качестве постоянно употребляющейся единицы и не закрепившееся в морфологических категориях данной части речи. Отнесение этого вида конверсии к числу способов словообразования является в известной степени условным, поскольку образуемая единица не имеет общеупотребительного характера. Исходя из этого, некоторые исследователи считали, что в данном случае имеет место не конверсия, а «использование слова в нетипичной для этой части речи синтаксической функции»⁴, другие же выделяли случаи окказиональной конверсии в особый вид «синтаксической» конверсии⁵. Обе точки зрения представляются нам необоснованными. Вряд ли можно утверждать, что употребляемые в уже приводившемся выше примере *he would have iffed and anded and butted it around* слова *if*, *and* и *but* являются союзами, употребленными в синтаксической функции глагола, так как в данном случае у них ни в синтаксическом, ни в морфологическом отношении нет уже ничего общего с союзами. С другой стороны, эти слова характеризуются не только новыми синтаксическими свойствами, но и другим морфологическим оформлением, что не позволяет считать этот вид конверсии «синтаксическим».

Хотя окказиональная конверсия имеет, как правило, индивидуальный, субъективный характер, она является необходимой начальной ступенью, из которой в дальнейшем может развиваться устойчивая конверсия. Не каждый случай окказиональной конверсии развивается в устойчивую кон-

¹ См. М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 63; Н. Г. Корлэтяну, Конверсия в современном молдавском языке, ВЯ, 1956, № 3, стр. 84—96.

² См. С. М. Костенко, указ. соч., стр. 15.

³ Термин А. И. Смирницкого (см. его книгу «Объективность существования языка», стр. 17).

⁴ См. В. Н. Ярцева, указ. соч., стр. 75.

⁵ См. Н. Г. Корлэтяну, указ. соч., стр. 88.

версию, но в основе каждого случая устойчивой конверсии лежит конверсия окказиональная. Поэтому более правомерным было бы рассматривать случаи окказиональной конверсии в общей системе словообразования наравне с прочими *неологизмами*, которые постоянно образуются в языке по любому из продуктивных способов словообразования и вначале носят обычно субъективный характер.

Вряд ли надо доказывать здесь ошибочность попыток ограничить конверсию как способ словообразования одной вербализацией или даже образованием только отыменных глаголов¹. Нельзя согласиться и с выделением из конверсии субстантивации как особого и якобы отличного от нее способа словообразования². Все разобранные виды безаффиксального образования слов, отнесенные нами к конверсии (в том числе и субстантивация), по характеру и словообразовательным средствам не имеют никаких принципиальных различий и принадлежат к морфолого-синтаксическому способу словообразования.

¹ См. С. М. Костенко, указ. соч., стр. 3.

² См. там же, стр. 5; см. также: К. А. Левковская, указ. соч., стр. 20.